

улыбнется, услышавъ слова: «женщина когда родитъ младенца, уже не помнитъ скорби отъ радости, потому что родился человекъ въ міръ». Дѣти въ животномъ мірѣ старательно и заботливо выращиваются матерью, а чаще отцомъ, а въ современномъ человѣчествѣ либо пополняютъ кадры безпризорныхъ въ совѣтчинѣ, либо, какъ въ буржуазныхъ странахъ, въ лучшихъ случаяхъ покидаются на руки наемниковъ и хотя накамливаются, но духовно остаются зачастую безъ достаточнаго призора родительскаго. Нельзя даже сказать про человека, что онъ одервенѣлъ, т. к. и деревья тянутъ вѣтви свои къ солнцу и небу, а человекъ клонится долу въ чувствахъ своихъ. Современное цивилизованное человечество окаменѣло сердцемъ.

Массы народные отравлены всѣми тремя искушеніями діавола: претвореніемъ камней въ хлѣбъ, т. к. призываются они къ заботамъ лишь о тѣлесной сытости, и обѣщается дать ее чудомъ, т. к. обѣщается создать рай на землѣ, и властью, т. к. провозглашаются диктатуры пролетаріата. Вовлеченные въ обманъ, массы на дѣлѣ голодаютъ, забываютъ Единаго, Кто можетъ совершить чудо и превращаются въ рабовъ. Любовь вытѣснена ненавистью, довѣріе — подозрительностью, благожелательство — завистью. Человекъ человеку, народъ народу, классъ классу, государство государству не deus, а lupus. Гдѣ было начертано «возлюби», теперь написано «враждуй», гдѣ было «не прелюбы сотвори» тамъ «наслаждайся», запретъ желать чужого за-

мѣненъ краткимъ «рви», а въ синайскомъ рѣченіи «не убій» первое слово замазано человѣческой кровью.

Ураганъ мертвящаго холода объялъ Старый и Новый Свѣтъ... люди убаюкиваютъ себя словами «кризисъ», тужась его разрѣшить и не желая понять, что здѣсь дѣло не въ денежномъ обращеніи, не въ промышленно - коммерческомъ оборотѣ, не въ междугосударственныхъ соглашенияхъ, и что это не вопросъ текущаго момента, а угроза бытію культуры, назрѣвшая со времени европейской войны, если не раньше. Этотъ кризисъ заключается въ томъ, что вслѣдствіе близости начинаетъ быть виднымъ дно той пучины, въ которую погружается человечество со своей богоборческой цивилизаціей и извращенной культурой. Мы переживаемъ событія, служащія гранью не между вѣками, не между даже историческими періодами, а гранью между эрами.

Никакія Лиги Націй, а тѣмъ болѣе созванные въ родѣ лиги правъ человека, никакіе интернаціоналы любыхъ номеровъ, никакіе пакты и конференціи не разрѣшатъ создаваемаго положенія и не спасутъ человечества, если оно не обратится всѣмъ сердцемъ и помышленіемъ своимъ ко Христу, и не возьметъ всецѣло въ руководство своей жизни путь, указанный Имъ.

Но сроки ужъ близки, гнуты мачты судовъ и трещатъ ихъ борты, и ледяной покровъ готовъ уже сомкнуться надъ человечествомъ, гибнущимъ въ пучинѣ своего невѣрія и гордыни.

Юрьевъ — Эстонія. А. Мельниковъ

Вопросы активизма.

Въ настоящей замѣткѣ я не имѣю въ виду описывать формы, въ которыхъ настроенія активизма находятъ свое выраженіе въ жизни молодежи. Я лишь хочу

высказать нѣсколько мыслей по поводу вопросовъ, задаваемыхъ молодежью въ связи съ позиціей Движенія.

Оглядываясь на свою личную жизнь,

я могу сказать, что ни гимназія, ни университетъ, ни военная служба, со всѣми ея совершенно особыми переживаніями, не образуютъ того основного слоя въ личномъ опытѣ, которымъ опредѣлялась бы жизнь. Она опредѣляется тѣмъ, что вошло въ душу черезъ Движеніе. Вошло же въ нее новое воспріятіе Бога, Церкви и, въ связи съ этимъ, новое воспріятіе личности человѣка, всѣхъ отношеній между людьми, новое воспріятіе всего міра. Вотъ это и есть то самое существенное, что и унесешь съ собой въ могилу. Все остальное пережитое: — моментъ окончанія университета, моменты встрѣчи со смертью лицомъ къ лицу, въ дни нашей русской междоусобной брани, измѣненія въ личной судьбы, — это все входило въ душу, какъ нѣчто вторичное, опредѣляемое такъ или иначе уже пережитымъ опытомъ религіознаго пробужденія и самоопредѣленія. Я помню, какъ послѣ взятія Ставрополя, объѣзжая городъ въ связи съ возложеннымъ на меня порученіемъ, мнѣ случилось наткнуться на груды тѣлъ. Это были убитые въ бою и разстрѣленные, среди нихъ нѣкоторые еще были живы. Весь трагизмъ гражданской войны всталъ въ душѣ нестерпимой болью. Надо было бороться съ большевизмомъ. Колебаній въ этомъ отношеніи не было никакихъ. Но стоны, идущіе изъ кровавой груды тѣлъ, терзали душу. Одинъ изъ лежащихъ приподнялся и вперилъ въ меня мутный, безжизненный взглядъ. Вся голова залита кровью. Это происходило на какомъ то пустынномъ дворѣ около складовъ. Кругомъ ни души. На окраинѣ города затихала ружейная и пулеметная трескотня. Мутный взоръ, не видя, глядитъ не отрываясь. Вынуть револьверъ и пристрѣлить несчастнаго? Или просто повернуть коня и уѣхать? Черезъ нѣсколько секундъ, окровавленный человѣкъ, безъ стопа по-

валился навзничь. Когда я, сойдя съ лошади, наклонился надъ нимъ, онъ былъ уже мертвъ. Солнце садилось. Ужасное одиночество, среди окровавленныхъ мертвецовъ, охватило душу. Невозможно передать, что приходилось переживать въ подобные моменты. И волю къ бытію, и силу жить находилъ все-же въ одномъ: ликъ Христовъ теплился въ душѣ: «Ты, Господи, разсудишь, и я готовъ принять всяческое осужденіе за страданія невинныхъ, но не вложу меча въ ножны, ибо поругана правда и насиліе кровью заливаешь землю».

Въ свѣтѣ этихъ переживаній обращаюсь къ вопросу, заданному мнѣ однимъ изъ собесѣдниковъ въ Вильно: «Время-ли сейчасъ говорить о духовномъ оздоровленіи? Сначала надо освободить Россію, а потомъ уже заботиться объ устроеніи духовной жизни и личной, и всего русскаго народа». Не колеблясь, отвѣчу: Горе тому, кто умертвитъ въ своей душѣ образъ Бога Живого и въ такомъ состояніи будетъ готовиться къ борьбѣ за освобожденіе Россіи. Еще большее горе, если въ такомъ состояніи ему, дѣйствительно, суждено будетъ вступить въ эту борьбу. Россіи такихъ освободителей не надо. Освобожденіе Россіи силой, если такой моментъ наступитъ, будетъ слишкомъ жуткимъ моментомъ, чтобы его можно было правильно пережить безъ Бога въ душѣ. Рать безбожниковъ, хотябы и изобразившихъ на своемъ политическомъ знамени православную хоругвь, идущихъ войной противъ безбожниковъ! Что можетъ быть ужаснѣе такого зрѣлища! Не тѣмъ, кто отстраняетъ со своего пути Христа и Церковь во имя безпринципной борьбы съ большевизмомъ, спасти Россію! Запутаетесь въ своей затуманенной, лишенной свѣта Христова совѣсти, и вмѣсто прекраснаго героическаго дѣянія, явите міру новое безобразіе!

А. Никитинъ